

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 81'42+801.7
doi: 10.17223/15617793/475/4

Эволюция тематической зоны «Возраст» в поэтической картине мира М.И. Цветаевой

Ольга Леонидовна Кабанина¹

¹Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, olga260389@yandex.ru

Аннотация. Представлен анализ динамики тематической зоны «Возраст» в концептосфере М.И. Цветаевой. Исследование проведено на основе тематической классификации текстовых парадигм антонимического типа в лирике М.И. Цветаевой с учетом контраста как лексической регулятивной универсалии в творчестве поэта. Рассмотрены антонимические парадигмы, отражающие авторское восприятие возраста в ранней и поздней лирике. Описаны особенности восприятия автором своего возраста, дана оценка соотношения хронологического возраста и его субъективного восприятия поэтом.

Ключевые слова: коммуникативная стилистика, когнитивная лингвистика, лексические регулятивные универсалии, контраст, концептосфера, хронологический (абсолютный) возраст, условный (субъективный) возраст

Для цитирования: Кабанина О.Л. Эволюция тематической зоны «Возраст» в поэтической картине мира М.И. Цветаевой // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 29–34. doi: 10.17223/15617793/475/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/4

The evolution of the thematic zone “Age” in Marina Tsvetaeva’s poetic worldview

Olga L. Kabanina¹

¹Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, olga260389@yandex.ru

Abstract. The article presents an analysis of the development of the thematic zone “Age” in Marina Tsvetaeva’s conceptual sphere. The study is based on the thematic classification of text paradigms of the antonymic type, taking into account contrast as a lexical regulatory universal in the poet’s work. Lexical regulatory universals are understood as peculiarities of authorial thinking and way of interacting with the addressee verbalized in author’s characteristic means and methods of lexical regulation. The research methodology is complex; it includes the method of observation; contextological, quantitative, biographical analyses, etc. The material for the study was 1098 textual paradigms of the antonymic type, identified in 586 poems and 82 cycles in Tsvetaeva’s lyrics of the 1910s–1940s. The analysis of the dynamics of Tsvetaeva’s attitude to the concept of age aims to trace not only changes in the author’s views, but also the development of personality, changes in the poet’s worldview. The thematic classification of text paradigms of the antonymic type is based on the concept of R. Hallig and W. Wartburg, which consists in systematizing the lexical system of the language by distributing words into three main categories: “Human”, “Universe”, “Universe and Human”, which are clarified in the article based on the study of Tsvetaeva’s works. Examples of antonymic paradigms reflecting the authorial perception of age in the early, mature and late lyrics of Tsvetaeva are given. The opposition “youth” – “old age”, which is characteristic of Tsvetaeva’s early and mature lyrics, is among the key paradigms of the antonymic type. In the late lyrics, this paradigm is replaced by the contrasting pair “old” – “older”. In the 1920s, the antonymic paradigms of “grandfathers” – “grandchildren”, “grandchildren” – “great-grandchildren”, “ancestor” – “great-grandson”, etc. are actualized in Tsvetaeva’s works, which is associated with the understanding of the periodization of the poet’s own life, the emergence of a natural interest in the past and future. In the 1930s, the connection between the “Age” category and the “Time” category is becoming stronger in Tsvetaeva’s works. The poet considers herself to be the outgoing generation, experiences worries for future generations, for children. The article examines the peculiarities of the poet’s attitude to her own age at different periods of her life, assesses the correlation between the chronological age and its subjective perception by the poet. Taking into account the tendency towards a discrepancy between the chronological and subjective age of Tsvetaeva in adulthood in favor of exaggerating the latter, a conclusion is made about the poet’s self-awareness, about the possible despondency, a depressive psychological state of Tsvetaeva in the last years of her life.

Keywords: communicative stylistics of text, cognitive linguistics, lexical regulatory universals, contrast, conceptual sphere, chronological (absolute) age, conditional (subjective) age

For citation: Kabanina, O.L. (2022) The evolution of the thematic zone “Age” in Marina Tsvetaeva’s poetic worldview. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 29–34. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/4

В задачи статьи входит анализ восприятия М.И. Цветаевой категории «**Возраст**» в разные периоды жизни и творчества поэта. Обращение к данному вопросу представляет особый интерес, во-первых, в связи с недостаточной изученностью индивидуально-авторского восприятия Цветаевой возраста на разных этапах взросления и становления личности поэта, во-вторых, для изучения оригинальной поэтической картины мира автора и его идиостилия.

Исследование проводится с учетом *контраста как лексической регулятивной универсалии*, характерной для поэта, основано на анализе тематической классификации текстовых парадигм антонимического типа в лирике автора разных лет. Это позволило проследить динамику развития поэтической картины мира М.И. Цветаевой и эволюцию универсума мировидения поэта.

За основу в выявлении *лексических регулятивных универсалий* были взяты работы Н.С. Болотновой о коммуникативных универсалиях [1], И.Н. Тюковой [2, 3] об индивидуальных коммуникативных универсалиях и другие исследования по коммуникативной стилистике, когнитивной лингвистике и психологии.

Под *лексическими регулятивными универсалиями* нами понимается вербальное воплощение в характерных для текстов автора средствах и способах лексической регулятивности особенностей его мышления и способа взаимодействия с адресатом [4]. *Регулятивные средства* выделяются на уровне элементов текста, «с их помощью выполняется та или иная психологическая операция в интерпретационной деятельности читателя» [5. С. 167], а *способы регулятивности* отвечают за организацию текстовых микроструктур, регулирующих процесс восприятия на основе соотносительности с целью текста и спецификой его связи с адресатом [5. С. 168].

Материалом исследования послужили 1 098 текстовых парадигм антонимического типа, выявленных в 586 стихотворениях и 82 циклах в лирике М.И. Цветаевой 1910–1940-х гг.

За основу тематической классификации текстовых парадигм антонимического типа положена концепция Р. Халлига и В. Ватбурга [6. С. 51], заключающаяся в систематизации лексической системы языка посредством распределения слов по трем основным категориям: «Человек»; «Вселенная»; «Вселенная и Человек», которые были уточнены нами на основе исследования творчества Цветаевой. Категория «**Возраст**» относится к тематической зоне «Человек», «Человек как живое существо».

Понятие возраста в науке связано с выделением двух его типов: абсолютного (хронологического, календарного) и условного [7. С. 16]. Абсолютный, или хронологический, возраст «выражается количеством временных единиц (секунд, лет, тысячелетий), отделяющих момент возникновения объекта от момента его измерения» [7. С. 16]. «Условный же возраст, или воз-

раст развития, определяется путем самоощущения субъекта в определенном эволюционно-генетическом и социокультурном контексте, процессе развития» [8. С. 25].

Условный, иначе *субъективный, возраст* «становится тем стержневым представлением, относительно которого человек воспринимает себя на жизненном пути, испытывая удовлетворенность или неудовлетворенность собственной жизнью» [9. С. 92].

Опираясь на понятие *субъективный возраст*, человек оценивает, воспринимает себя и окружающих. Это не только представление о себе, суждение о том, какой «я» и как видят меня другие, но и как вижу «я» – других. Если «я» молод, то кто-то относительно меня – стар и т.п. При этом важную роль играет «общественный дискурс, конструируемый вокруг процесса старения» [8. С. 25].

Рассмотрим тематическую зону концептосферы «**Возраст**» более подробно.

Условный возраст и возраст хронологический у Цветаевой в ранней лирике совпадают. Это возраст до 30 лет, сочетающий в себе одновременно ощущение молодости и взрослости. В 1912 г. Цветаева становится замужней женщиной, а к началу 1920-х гг., до своего тридцатилетия, – матерью двоих детей, поэтом, издавшим уже не один сборник стихотворений.

В раннем периоде творчества поэта, в **1910-х гг.**, зона концептосферы «**Возраст**» в первую очередь представлена наиболее частотной антонимической парадигмой «*молодость*» («*юность*») – «*старость*», что отражает максимализм авторского восприятия. Для Цветаевой как будто промежуточного этапа взросления человека не существует.

Молодая Цветаева уверена, смела в своих оценках и высказываниях. Старость представляется ей «*делом темным*», «*безумным*» («Пусть не помнят юные о согбенной старости», 1918). «*Не учишь у старости, / Юность златорунная!*», «*Ах, не надо юностью любоваться – старости!*» – восклицает Цветаева (здесь и далее стихи цитируются по изданию [10]).

Наделение старости отрицательной коннотацией, нечеткость представлений об этом «*темном деле*» двадцатилетней Цветаевой говорит о многом, ведь «*то, как мы представляем пожилых людей, является оценкой нашего собственного будущего*» [11. С. 987].

В стихотворении поэта «Есть колосья тучные, есть колосья тощие» (1918) лирическая героиня фамильярно обращается к нищему старику: «*Борода столетняя! – Чай, забыл, что смолоду / Есть беда насущнее, чем насущный хлеб*», «*Ты на старость, дедушка, прошишь, я – на молодость!*».

О какой беде идет речь в стихотворении? Не об отсутствии пропитания или денег пишет Цветаева. Она противопоставляет вещественному нечто более ценное для себя, молодой.

В связи с неоднозначностью ответа автора, нами был проведен небольшой экспресс-опрос среди моло-

дых людей в возрасте от 18 до 35 лет. Было опрошено 10 информантов – студентов вузов (ТГУ, СибГМУ, ТГПУ) и работающей молодежи г. Томска. Предлагалось ответить на вопросы: «Как вы считаете, что за беда насущнее, чем насущный хлеб, есть в молодости? О чем пишет Цветаева?».

Половина информантов (5 из 10) посчитали, что Цветаева пишет здесь о любви:

«Может, что в молодости нам кажутся более важными вещи типа любви и т.п.? Что пока молодой, несешься куда-то, забывая о еде, считая её чем-то неважным?» (студентка СибГМУ, 20 лет).

Тему выбора своего жизненного пути и самореализации отметили трое информантов (3 из 10): «Поиск смысла предстоящего жизненного пути, достойной сферы приложения своих сил; творческая самореализация, признание (для творческих людей, в частности – для поэтов, это важно)» (мед. работник, 30 лет).

Возможно и предположение о продолжении рода: «чтобы потом повзрослевшие дети и внуки заботились о родителях» (педагог, 33 года) – на этот смысл указал 1 из 10 информантов.

Приведем интересный пример развернутого ответа:

«Мне кажется, что здесь действительно имеется в виду, что в молодости заботы в голове немного другие. В молодости кажется, что всё впереди и жизнь бесконечна. Прагматично о еде мало кто думает. В молодости мысли могут быть о любви, о том, как определить свой путь, о том, чтобы свершить что-нибудь могучее и великое для всего мира, совершить какой-нибудь подвиг. С возрастом приходит понимание, что жизнь часто сводится к каким-то обыденным вещам. К тому, чтобы заработать деньги, накормить семью. Романтика уходит на второй план...» (лаборант ТГУ, 30 лет).

Таким образом, можно сделать вывод, что человека в молодости больше занимают вопросы о любви и выборе своего жизненного сценария. Так и Цветаева ставит для себя приоритетом категории вечные, априорные над материальными благами.

Интересно стихотворение «Безнадежно-взрослый вы? О, нет!» (1910 г.), в котором наблюдается противопоставление не только по возрасту «дети» – «взрослые», но и по внешнему/внутреннему признаку, когда взрослость является лишь внешним фактором. Обращаясь к лирическому герою, автор подчеркивает контраст в восприятии его личности, который виден ей невооруженным глазом, а именно внешнюю взрослость, включающую в себя параметры фактического возраста и мнение о самом себе, и внутреннюю незрелость, детскость в отношениях и восприятии окружающих. Лирический герой, по мнению поэта, лишь только воображает себя взрослым, серьезным, а на деле представляет собою дитя.

Определение «дитя» в контексте стихотворения Цветаевой также рассматривается двояко. С одной стороны, дети – это «тайны», «в детях рай», они искренни и чисты, но с другой – «...дети так жестоки: / С бедной куклы рвут, шутя, парик, / Вечно лгут и дразнят каждый миг», «в детях все пороки», «Их

слова неумолимо-колки, / В них огонь, зажженный мятежом». Разное отношение к детям отражает сомнения автора в лирическом герое, к которому обращено стихотворение. Она боится отношений с этим человеком, ожидая подвоха с его стороны, ведь он – дитя, и какие качества доминируют в нем при этом, угадать сложно, что выражается в риторическом вопросе: «Вы – дитя. Но все ли дети – тайны?!»

Размышление Цветаевой о природе «детскости» во взрослом человеке подчеркивает проблему, которая возникает при несовпадении *возраста хронологического и условного* в человеке. Можно быть юным и при этом вести себя как недовольный жизнью старик, а можно быть взрослым с поведением капризного ребенка и несерьезным отношением к жизни. Сама Цветаева, рассуждая об этом, кажется человеком внутренне целостным и зрелым, способным разгадать эту разницу двух возрастов в одном человеке и не поддаваться этому раздвоению самой, ведь она уже ощущает себя не как «дитя», глядя на мир и окружающих с позиции *взрослого* человека.

В 1920-х гг. оппозиция «молодость» («юность») – «старость» по-прежнему остается актуальной для Цветаевой, но на восприятие жизни поэтом накладывают отпечаток события конца 1910-х гг., страшные потрясения в стране и перемены в личной жизни автора. Это и смена политического строя с кровавым свержением царя, и длительная разлука с мужем Сергеем Эфроном, который был солдатом Добровольческой армии в рядах Белого движения в то время, когда Марина Цветаева оставалась в Москве, и тяжелый быт, похожий на выживание, и смерть младшей дочери Ирины в приюте в феврале 1920 г.

Цветаева в возрасте чуть больше тридцати лет уже прощается с молодостью. Жизнь точно вынуждает подводить итоги настоящего и «примерять» на себя седину будущего. Так, «Седой – не увидишь, / *Большим – не увижу*» (цикл «Разлука», 1921) – непростые строки, написанные поэтом, обращенные посмертно, слова матери своему ребенку, «ушедшему в град осиянный». Именно в этих словах выражается многое – и боль от потери дочери, и ощущение движения времени и жизни, когда одна из нитей прервалась. Две прямые линии жизни матери и ребенка в плоскости времени – она должна была стареть, а он – расти, она должна была стать седой, а он – большим. Но последнего уже не случится. Здесь седина представлена как неотъемлемый атрибут будущей старости, грядущей, но такой естественной по шкале времени и даже, при условии взросления ребенка, – желанной.

Смерть дочери и внутренние события в стране с противостоянием России прошлого и России будущего, отцов и детей – все это послужило усилению внимания Марины Цветаевой в 1920-х гг. к разнице поколений, к необходимости обратиться к потомкам. Можно отнести это к внутренней, душевной потребности связать прошлое, настоящее и будущее, исторические вехи и этапы истории, проследить причинно-следственную связь событий, происходивших в 20-х гг. с прежней Россией и собой, некогда счастливой и беззаботной, юной Мариной.

В связи с этим закономерным кажется появление и использование в творчестве поэта 1920-х гг. антонимических парадигм «деды» – «внуки»: «Я с дедом иц-раю в кости, / А с внуком – пою» («Н. Н. В.» (6), 1920); «деды» – «сыны»: «Вся жизнь твоя – в едином крике: / – На дедов – за сынов!» («Петру», 1920) и др.

Марина Цветаева смотрит на жизнь уже в ретро-спективе и перспективе: «Предок твой был горд и громок, – / Правнук – ты дурной потомок» («Ты разбойнику и вору...», 1920), определяя свое положение на хронологической шкале времени: «Как змей на старую взирает кожу – / Я молодость свою переросла» (цикл «Хвала Афродите», 1921).

Таким образом, происходит «конструирование собственной периодизации жизни» [8. С. 25] Цветаевой, «структурирование течения времени, выделение в нем хронологических элементов, имеющих определенное содержательное и дискурсивное значение для конкретной личности» [8. С. 25].

Важным произведением в лирике этого периода, отражающим восприятие поэтом себя на жизненном пути, становится небольшой цикл стихотворений «Молодость», написанный в ноябре 1921 г., в котором М.И. Цветаева обращается к молодости, называя ее «чужой» и прощаясь с ней: «Молодость моя! – Назад не кличу. / Ты была мне ношей и обузой», «Неспроста руки твоей касаюсь, / Как с любовником с тобой прощаюсь. / Вырванная из грудных глубин – / Молодость моя! – Иди к другим!». В последних строках мы можем наблюдать пример контраста «я» – «другие», когда «я» противопоставлено «другим» по признаку наличия и отсутствия молодости: «я» уже была молодой, настал черед быть молодым кому-то «другому». Это важный момент, определяющий *субъективный возраст* Цветаевой, ее представление о самой себе относительно других людей. Она как будто поднимается на одну ступень выше, двигаясь вперед и уступая место другим, шагающим в «молодость» со ступени «детство».

Прощание с молодостью Цветаевой выглядит в стихотворении добровольным и осознанным, случившимся раньше назначенного времени: «Скипетр тебе вернув до срока – / Что уже душе до яств и брашна!». При этом прощание наполнено грустью, несмотря на то, что молодость, по определению самой Цветаевой, была ей «ношей и обузой». Поэт провожает молодость как гостью, как сестру, чье время визита уже прошло, и просит прежде об утешении, до прощания: «Молодость! Простимся накануне... / Постой с тобою на ветру! / Смуглая моя! Утешь сестру!», «Утешь, спляши!» и т.д.

Интересно восклицание Цветаевой: «Скоро уж из ласточек – в колдуньи!», в котором видится два ключевых образа – «ласточки» (символ молодости) и «колдуньи» (символ зрелости, старости). Ласточка здесь олицетворяет образ девушки, ласковой, нежной, юной; ассоциируется с перелетной птичкой, легкой и юркой. Колдунья же – образ более мистический; ассоциируется с женщиной, обладающей тайными знаниями, хитростью, умом, внешне, как правило, воображаемой морщинистой и немолодой старухой или

женщиной средних лет, характеризующихся, возможно, холодной красотой, уже лишенной легкости и крылатой одухотворенности.

Если сравнить в ассоциативном плане образы женщины-ласточки и женщины-колдуньи, то возникают два совершенно противоположных ассоциативных поля, сопоставимые с образами юности и старости. Приведем данные, полученные на основании проведенного нами пилотажного ассоциативного эксперимента с участием 10 молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет, студентов вузов (ТГУ, СибГМУ, ТПУ) и работающей молодежи г. Томска, которым предлагалось написать свободные ассоциации на слова «ласточка (в значении “обращение к женщине”）」 и «колдунья».

Сравним полученные ответы:

Ласточка – девочка (4), девушка (3), молодая (3), легкость (2), добрая (2), одинокая (2), заботливая, услужливая, послушная, сочувствующая, жизнерадостная, веселая, понимающая, любит, готова прийти на помощь, безмятежность, простота, неопытность, белое непышное платье, в платье, ленточки в волосах, беззаботная, красивая, нежная, светлая, чистая, небо, солнце, свет, песни, голос красивый, фея, искренняя.

Колдунья – старая (4), злая (3), властная (2), бабка, старуха, не добрая, черствая, жадная, мстительная, сухая, дряхлая, дряблая, коварная, некрасивая, хитрая, носатая, горбатая, жуткая, страшная, кот черный, гиперконтроль, власть, готова подчинять себе других людей, сила, безумие, гордость, черное пышное платье с множеством украшений, холодные глаза.

Образ колдуньи оказывается ассоциативно связанным с темой старости, а ласточки, напротив, с атрибутами детства и юности. Колдунье приписывают негативные эмоции и злобные черты, ласточке – добрые качества, понимание и любовь. Ласточка видится информантам «беззаботной, одинокой (в смысле брака и детей), может быть девочкой (по возрасту)», а колдунья определяется «женщиной, которая уже в возрасте, но так и не нажила женского счастья» (студентка СибГМУ, 20 лет), «озлобленная на жизнь тетка» (студентка ТГУ, 19 лет).

Анализируя цикл «Молодость», возникает закономерный вопрос: что подвигло Цветаеву к прощанию с молодостью? Почему она отпускает молодость, не держится за нее, как многие женщины, а добровольно готова отдать ее другим, при этом будто выступая инициатором данного расставания.

Ответ оказывается очевиден. Когда буря врывается в дом, а на пороге стоит смерть и война, оставаться юной и беспечной уже нельзя. Это не просто трудно, это уже непозволительно. С этой точки зрения прощание с молодостью выглядит не столько уже добровольным, сколько добровольно-принудительным, вынужденным. Отсюда – безвыходность этого прощания.

В 1930-х гг. для Цветаевой понятия «молодости» будто больше не существует. Актуальной становится оппозиция «стара» – «старей». Это происходит в связи с осознанием Цветаевой «возраста», движения жизни, и себя она теперь определенно относит не к «молодым», а к «старым». Молодость для поэта уже

безвозвратно и окончательно прошла, а переходного этапа полноты сил, и зрелости как будто не было совсем, хотя в конце 1930-х – начале 1940-х гг. Цветаевой нет еще и пятидесяти лет. Субъективный возраст поэта: «старость».

Рассмотрим яркий пример:

«– Пора! Для этого огня – / Стара! / – Любовь – старей меня! / – Пятидесяти январей / Гора! / – Любовь – еще старей: / Стара, как хвои, стара, как змеи, / Старей ливонских янтарей, / Всех привиденских кораблей / Старей! – каменей, старей – морей... / Но боль, которая в груди, / Старей любви, старей любви» («Пора! Для этого огня стара!», 23 января 1940).

Интересное стихотворение, в котором автор противопоставляет «себя» – «Любви» по оценке возраста, по признаку «старости». Поэт будто пытается выяснить, рассуждая сама с собой, – может ли она еще любить, не стара ли она для этого, неужели все прошло и осталось далеко позади?

Судя по признанию автора, «любовь» оказывается «старше» лирической героини, как извечное начало, существующее еще до сотворения мира. В оппозицию с «любовью» вступает и «боль»: «Но боль, которая в груди, / Старей любви, старей любви».

Как отмечает О. Максимова [8], старость воспринимается большинством людей не как процесс, а как некое мгновенное изменение, часто связанное с событийным форматом. Так, можно предположить, что критерием старости у М.И. Цветаевой выступает любовь. Способность, возможность искать и желать любви, любить горячо, страстно и глубоко, полностью отдаваясь и погружаясь в чувство. «Боль», накопленная годами, придала Цветаевой ощущение старости под тяжестью событий прожитых лет.

На основе проведенного анализа можно отметить несовпадение возраста хронологического и условного. Субъективно Цветаева ощущает себя гораздо старше своих лет. При этом открытого сожаления о прошедшей юности у Цветаевой не наблюдается. Есть принятие возраста, и даже готовность поспорить с любовью – «кто старше?», побороться за право «любить» еще. Возникает ощущение смирения перед неизбежностью и тем, что следует за старостью – окончанием земного пути жизни, смертью.

В творчестве поэта 1930-х гг. происходит усиление связи категории «Возраст» с категорией «Время», с «прошлым, настоящим и будущим», наметившейся в лирике 1920-х гг.

М. Цветаева противопоставляет время уходящее – поколению «нового», настоящего и грядущего. «Отцы», «деды», «предки» оказываются в оппозиции с «детьми», «внуками» и «правнуками». Себя Цветаева причисляет к первой категории: к поколению «старой России», к людям уходящей эпохи, с иными взглядами на этот мир и на свою страну, к поколению, «наломавшему дров».

Происходит глобальное осмысление и переосмысление отношений с миром, к миру. С ней-то, с Цветаевой, все понятно – стара, и вся ее любовь осталась в

прошлом, «отжила». Но поэт переживает за других – за «детей», за потомков, которые унаследуют ошибки дедов: «Дети! Сами пишете повесть / Дней своих и страстей своих», «Ваш край, ваш век, ваш день, ваш час, / Наш грех, наш крест, наш спор, наш – / Гнев» (1932 г.) «Наш» здесь отражает связь с «отцами», «предками».

Как показало исследование, эволюция восприятия возраста связана у Цветаевой с осмыслением своего жизненного пути, с изменением взгляда на себя и окружающий мир. Эволюция представлений о возрасте и самой личности поэта включает этапы от ощущения молодости, сил и энергии, жизни здесь и сейчас – к осознанию изменчивости времени, определению этапов взросления, взгляду на жизнь в ретроспективе и перспективе; через проецирование на себя седины – к глубинному ощущению этих седин и осознанию себя «старой», старой для любви, для жизни, для всего.

По мере взросления Цветаевой наблюдается тенденция к несовпадению между возрастом абсолютным (хронологическим) и условным (субъективным). Интересно, что субъективный возраст в самоощущении Цветаевой оказывается больше хронологического, в то время как для большинства людей в возрасте 40–50 лет и даже 60–70 лет, наоборот, характерно оценивать себя моложе хронологического возраста, потому что желание чувствовать себя более молодым связано с механизмом «психологической передержки (механизм психологической защиты, совладания с проблемами старения)» [12].

Таким образом, *когнитивная иллюзия возраста* («разница между хронологическим и субъективным возрастом человека, которая возникает в процессе жизни» [12]) Марины Цветаевой кардинально отличается от тенденции, характерной для большинства людей. По мнению психологов, ощущение человеком себя старше своего хронологического, абсолютного возраста свидетельствует об унынии, в котором находится человек, о его депрессивном состоянии, что вполне может соответствовать действительности в проекции на внутреннее состояние поэта в конце 1930-х – начале 1940-х гг. Эта тенденция к повышению субъективного возраста наблюдается еще в лирике поэта 1920-х гг., когда тридцатилетняя Цветаева прощается с молодостью, отпуская ее к другим.

Можно сделать вывод, что исследование восприятия М.И. Цветаевой категории «Возраст» в разные периоды жизни и творчества поэта позволяет проследить не только изменение взглядов автора на возраст, но и развитие ее личности, динамику внутреннего мира и отражение психологического состояния в разные годы.

Важной для Цветаевой является тема любви. Любовь, как ценностное и смысловое начало жизни, становится основным критерием в определении себя относительно той или иной возрастной категории по принципу способности или неспособности любить ярко, горячо или неспособности любить и отдавать эту любовь, что равноценно для Цветаевой старости и смерти.

Список источников

1. Болотнова Н.С. Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение в художественном тексте // Филологические науки. 1992. № 4. С. 75–87.
2. Тюкова И.Н. Коммуникативные универсалии и формы их реализации в поэтических текстах Б. Пастернака // Художественный текст и языковая личность : материалы III Всерос. научной конф., посв. 10-летию кафедры современного русского языка и стилистики ТГПУ (29–30 октября 2003 г.). Томск, 2003. С. 53–61.
3. Тюкова И.Н. Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение в лирике Б.Л. Пастернака (на материале книги «Сестра – моя жизнь») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 21 с.
4. Кабанина О.Л. Лексические регулятивные универсалии: к определению понятия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. Вып. 4 (193). С. 41–45.
5. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск : ТГПУ, 2008. 384 с.
6. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М. : Просвещение, 1975. 272 с.
7. Бочаров В.В. Антропология возраста : учеб. пособие. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2001. 196 с.
8. Максимова О. Старость или «Третий возраст»? Дискурсы субъективного восприятия индивидами собственных возрастных изменений // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 12 (2). С. 22–44.
9. Сергиенко Е.А. Субъективный возраст в контексте системно-субъектного подхода // Ученые записки Казанского университета. 2011. Т. 153, № 5. С. 89–100.
10. Цветаева М.И. Избранное : в 2 т. М. : Книжный Клуб 36,6, 2012. 752 с.
11. Куртышова Т.В., Алпысбаева Ж.М. Старость как социально-философский феномен // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. Т. 6, № 5. С. 985–987.
12. Сергиенко Е.А. Субъективный и хронологический возраст человека // Психологические исследования. 2013. Т. 6 (30). URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/689/371> (дата обращения: 05.06.2021).

References

1. Bolotnova, N.S. (1992) Kommunikativnye universalii i ikh leksicheskoe voploshchenie v khudozhestvennom tekste [Communicative universals and their lexical embodiment in a literary text]. *Filologicheskie nauki – Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 4. pp. 75–87.
2. Tyukova, I.N. (2003) [Communicative universals and forms of their implementation in B. Pasternak's poetic texts]. *Khudozhestvennyy tekst i yazykovaya lichnost'* [Artistic text and linguistic personality]. Proceedings of the 3rd All-Russian Conference Tomsk. 29–30 October 2003. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 53–61. (In Russian).
3. Tyukova, I.N. (2005) *Kommunikativnye universalii i ikh leksicheskoe voploshchenie v lirike B.L. Pasternaka (na materiale knigi "Sestra-moya zhizn")* [Communicative universals and their lexical embodiment in B.L. Pasternak (on the material of the book "My Sister, Life")]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
4. Kabanina, O.L. (2018) Lexical regulative universals: communicative and cognitive aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 4 (193). pp. 41–45. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-41-45
5. Bolotnova, N.S. (2008) *Kommunikativnaya stilistika teksta* [Communicative Style of the Text]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
6. Stepanov, Yu.S. (1975) *Osnovy obshchego yazykoznanija* [Fundamentals of General Linguistics]. Moscow: Prosveshchenie.
7. Bocharov, V.V. (2001) *Antropologiya vozrasta* [Anthropology of Age]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
8. Maksimova, O. (2020) Old age or "third age"? Discourses of individuals' subjective perceptions of their own age-related changes. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy – Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2 (12). pp. 22–44. (In Russian). DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-22-44
9. Sergienko, E.A. (2011) Subjective age in terms of the system-subject approach. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. 5 (153). pp. 89–100. (In Russian).
10. Tsvetaeva, M.I. (2012) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Knizhnyy Klub 36,6.
11. Kurtyshova, T.V. & Alpyshaeva, Zh.M. (2016) Starost' kak sotsial'no-filosofskiy fenomen [Old age as a socio-philosophical phenomenon]. *Bulleten' meditsinskikh internet-konferentsiy – Bulletin of Medical Internet Conferences*. 5 (6). pp. 985–987.
12. Sergienko, E.A. (2013) Subjective and chronological human age. *Psikhologicheskie issledovaniya – Psychological studies*. 30 (6). [Online] Available from: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/689/371> (Accessed: 05.06.2021). (In Russian). DOI: 10.54359/ps.v6i30.689

Информация об авторе:

Кабанина О.Л. – аспирант кафедры русского языка Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: olga260389@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.L. Kabanina, postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olga260389@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.12.2021;
одобрена после рецензирования 19.01.2022; принята к публикации 25.02.2022.*

*The article was submitted 18.12.2021;
approved after reviewing 19.01.2022; accepted for publication 25.02.2022.*